
Владимир Кожедеев
Код «Стерх».
Книга 2. Тихий
интерфейс
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Киберпанк, научная фантастика, психологический триллер, фантастика с элементами детектива, антиутопия

Владимир Кожедеев

Код «Стерх». Книга 2. Тихий интерфейс

«Автор»
2026

Кожедеев В.

Код «Стерх». Книга 2. Тихий интерфейс / В. Кожедеев — «Автор», 2026 — (Киберпанк, научная фантастика, психологический триллер, фантастика с элементами детектива, антиутопия)

2187 год. Россия пережила крах «Гипермеханики», смерть Голема и угрозу вторжения из космоса. Арсений Соболев — национальный герой, спаситель человечества, заместитель директора Государственной службы кибербезопасности. Ему двадцать лет, и он уверен, что самые страшные битвы позади.Но тишина обманчива.Профессор Вознесенский, старый друг создателя «Тихого интерфейса», исчезает из запертой лаборатории. На его столе находят странный амулет — не работающий, но пугающе похожий на изобретение гения Каплана. Улики ведут в Петербург, в пулковскую обсерваторию, где хранятся чертежи оружия, способного уничтожить миллионы.Арсений начинает расследование, но чем глубже он копает, тем больше врагов находит. Кто-то сливает информацию в прессу. Кто-то убивает свидетелей. Кто-то шантажирует его друга, Глеба Торопова, используя компромат на убийства биороботов.А за всем этим стоит код, написанный полвека назад. Код, способный управлять людьми через нейро-импланты. Код «Стерх».

© Кожедеев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Конец 2188 года. 5
Глава 1. Начало службы в ГСК. 10
Глава 2. Воспоминание. 17
Глава 3. Первые улики. 23
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Владимир Кожедеев
Код «Стерх». Книга 2. Тихий интерфейс

Пролог. Конец 2188 года.

Температура держалась на минус двенадцать, но безветренно, так что мороз не казался лютым. Снег падал крупными хлопьями, мягко, словно кто-то невидимый вытряхивал перины над городом. Настоящий снег — не синтезированный из полимерных гранул, не распылённый дронами с добавками ионизированного серебра, а самый обычный, природный, выпавший из облаков, которые сформировались естественным путём — без помощи климатических дронов.

Дроны отключили в ноябре. За ненадобностью. С квантовыми генераторами, питающими города, исчезла необходимость в централизованном управлении погодой. Конечно, не всё было гладко — в Сибири ударили морозы под минус пятьдесят, на Дальнем Востоке прошли тайфуны, от которых отвыкли за десятилетия искусственного климата. Но люди постепенно учились жить без вездесущей опеки машин. Учились мёрзнуть. Учиться мокнуть под дождём. Учиться радоваться солнцу, когда оно появлялось из-за туч. Учиться быть людьми.

Москва переливалась огнями.

Квантовые генераторы, встроенные в каждый квартал, давали столько энергии, сколько требовалось. Никаких лимитов. Никаких счетов. Никаких «часов пик», когда отключали горячую воду или уличное освещение. Город горел — иллюминация на Тверской, гирлянды на Кузнецком мосту, светящиеся шары в парке Горького. И никто не думал об экономии.

Настоящие ёлки — привезённые из питомников Калужской области, пахнущие хвоей и морозом — стояли на каждой площади. Люди покупали их за копейки (деньги ещё не отменили окончательно, но они уже почти ничего не значили). Дети водили хороводы. Старики вспоминали, как в детстве, полвека назад, встречали Новый год «по-настоящему». Молодёжь снимала происходящее на старые камеры — не в нейро-линзы, а на плёночные аппараты, возродившиеся как модный тренд. Арсений Соболев смотрел на это окно и улыбался.

— Красиво, правда? — спросила Алина, входя без стука.

Она была в новой форме Государственную службу кибербезопасности (ГСК) — тёмно-синий китель с серебряными нашивками, строгие брюки, полюбившиеся ей за удобство. Волосы она больше не красила, и они отросли до плеч, естественного русого цвета. Без макияжа, без нейро-линз, без имплантов — она выглядела настоящей. И, по мнению Арсения, очень красивой.

— Красиво, — согласился он. — Слишком красиво. Как перед бурей.

— Вечно ты с пессимизмом.

— Я не пессимист. Я реалист.

— Реалист, который спас мир два раза. Президент сказал, что через неделю вручит тебе звезду Героя.

— Не нужна мне звезда.

— А что нужно?

Арсений не ответил. Он смотрел на снег, который ложился на подоконник, таял от тепла и стекал тонкими струйками. За этим окном, в этом городе, в этой стране, которая только начинала дышать свободой, он чувствовал себя чужим. Не потому, что его не принимали — наоборот, слишком хорошо. А потому, что он знал: всё это временно.

Стерхи не ушли. Они затаились.

Государственную службу кибербезопасности образовали 1 октября 2188 года указом президента. В структуру вошли:

- Управление по борьбе с киберпреступностью (Глеб Торопов, начальник)
- Аналитический центр (Алина Ветрова, начальник)
- Технический департамент (Олег Серов, начальник)
- Отдел специальных расследований (вакансия)
- Служба внешней киберразведки (вакансия)

Арсений Соболев стал заместителем директора ГСК. Директором назначили генерала Королёва — того самого, что руководил комиссией. Старый, опытный, осторожный. Кремень. Он не доверял молодым, но признавал их заслуги. За три месяца совместной работы они научились понимать друг друга с полуслова.

— Соболев, — сказал Королёв на утреннем совещании 20 декабря. — Ты видел отчёт о неопознанных сигналах в Сибири?

— Видел, товарищ генерал. Четыре вспышки за неделю. Никто не знает источник.

— А ты узнай. Это твоя вотчина — неочевидное.

Арсений кивнул. Вотчина — хорошее слово. Земля, которую он должен вспахать. Отец любил такие метафоры.

Сигналы в Сибири были странными. Не электромагнитные, не гравитационные, не нейтринные. Что-то новое, чего не было в учебниках. Приборы фиксировали всплески энергии — огромные, мощные, короткие (доли секунды). Каждый всплеск сопровождался колебаниями квантового вакуума — та самая среда, из которой генераторы черпали энергию.

— Это похоже на работу нашего генератора, — сказал Арсений, когда собрал команду в своём кабинете. — Но в тысячу раз мощнее. И направленнее.

— Кто-то использует наши технологии? — спросил Глеб.

— Или мы используем не те технологии, которые надо.

— Ты о чём?

— О том, что Стерхи — не единственные во вселенной. И не самые дружелюбные.

Алина замерла.

— Ты думаешь, это новые пришельцы?

— Я думаю, что мы слишком рано успокоились. Стерхи дали нам ультиматум, мы ответили изобретением генератора, они замолчали. Но тишина не означает мир. Она может означать затишье перед бурей.

— И что нам делать?

— Ехать в Сибирь. Смотреть своими глазами.

23 декабря 2188 года. Арсений, Алина, Глеб и Лека вылетели на космодром Восточный — тот самый, что построили ещё в 2030-х годах, потом забросили, потом возродили при Путине-5, а теперь снова забросили. После того, как квантовые генераторы сделали ракетное топливо ненужным (летать на химии стало смешно), космодром использовали только для запуска научных спутников. Редко. Нерегулярно.

Их встретил начальник космодрома — полковник Шаталов, седой, с лицом, обветренным сибирскими ветрами.

— Соболев, — сказал он, пожимая руку. — Читал о вас. Вы — легенда.

— Не надо лести, товарищ полковник. Показывайте, что нашли.

Шаталов провёл их в подземный бункер — подальше от посторонних глаз. Внутри — серверы, приборы, учёные в белых халатах. В центре — голографическая карта Сибири, на которой яркими пятнами горели места всплесков.

— Вот, — показал Шаталов. — Первый всплеск — 3 декабря, в 2 часа 14 минут. Второй — 5 декабря, в 19 часов 30 минут. Третий — 9 декабря, в 11 часов 45 минут. Четвёртый — 15 декабря, в 23 часов 02 минуты. Периодичность нестабильная, но энергия растёт с каждым разом.

— Что они делают?

— Мы не знаем. Создают чёрные дыры? Открывают порталы? Пытаются связаться с кем-то?

— Или с чем-то, — мрачно добавила Алина.

Арсений подошёл к карте. Всплески были не случайны — они образовывали геометрическую фигуру. Не круг, не квадрат. Пентаграмму.

— Кто-то чертит пентаграмму в Сибири, — сказал он. — Размером с полстраны.

— Религиозный культ? — предположил Глеб.

— Хуже. Математический.

Из рапорта дежурного офицера космодрома Восточный, 3 декабря 2188 года:

«00 часов 14 минут — зафиксирована аномалия в 200 км юго-западнее космодрома. Приборы показывают скачок квантового вакуума. Природа неизвестна. Выслана группа разведки. Связь с группой прервалась через 20 минут. Личный состав пропал. Беспилотники не обнаружили следов».

Из показаний выжившего (рядовой Евгений Смирнов, найден в 50 км от места события, в состоянии кататонии):

«Там было холодно. Очень холодно. Не как в Сибири. Холоднее. Как в космосе. Я шёл, а воздух становился твёрдым. Как лёд. Я дышал и чувствовал, как лёгкие замерзают. Потом я увидел... не могу сказать. Не могу. Там было что-то. Оно смотрело на меня. Оно было везде. Оно улыбалось. У него не было лица. Но оно улыбалось».

Смирнов помещён в психиатрическую лечебницу. Прогноз неблагоприятный.

Арсений решил: нужно ехать на место. Лично.

— Ты с ума сошёл, — сказала Алина. — Там пропадают люди. Техника отказывает. Квантовый вакуум ведёт себя непредсказуемо.

— Тем более. Кто, кроме нас, это поймёт?

— У нас есть учёные. Специалисты.

— Специалисты не умеют видеть неочевидное. Это наша работа.

Спор длился час. Арсений настоял. Алина поехала с ним — не уступать. Глеб остался в Москве (не мог бросить отдел перед праздниками). Лека — тоже (заканчивал калибровку генераторов к новогодней иллюминации).

— Только вдвоём? — спросил Глеб.

— Вдвоём. Мало народу — меньше шансов, что заметят.

— А если заметят те, кто не должен?

— Тогда будем действовать по обстоятельствам.

Глеб не стал спорить. Он знал Арсения — переубедить невозможно.

26 декабря 2188 года. Снегопад усилился. Вертолёт еле летел — видимость нулевая. Арсений и Алина сидели в бронированной капсуле, прогретой до комнатной температуры, и смотрели в иллюминаторы на белую пелену.

— Ты боишься? — спросила Алина.

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

— Я тоже.

Она взяла его за руку. Ладонь была холодной. Или его рука была холодной. Они не поняли.

Через два часа вертолёт сел. Пилот сказал: «Дальше не могу — техника глохнет. Дальше пешком».

Они вышли. Снег скрипел под ногами. Тишина была такой плотной, что звенело в ушах.

— Куда идти? — спросила Алина.

— Туда, где тише всего, — ответил Арсений.

Отец учил: ищи не звук, ищи отсутствие звука. Враг прячется в шуме. Друг — в тишине.

Они пошли.

Снег становился глубже. Температура падала — на приборчике было минус двадцать, но ощущалось как минус пятьдесят. Алина дрожала. Арсений снял с себя куртку, накинул ей на плечи.

— Не надо, — сказала она.

— Надо. Я привык к холоду. Отец учил закаляться.

— Твой отец был сумасшедшим.

— Лучшее, что он мне дал.

Они прошли ещё час. Лес вокруг стал странным — деревья искривлены, как в кошмарном сне. Снег не белый, а серый, с металлическим отливом.

— Здесь что-то не так, — сказала Алина. — Я чувствую. Воздух... он другой. Пахнет озоном. И кровью.

— Не кровью, — Арсений принюхался. — Ржавчиной. Старым железом.

— Откуда в лесу ржавчина?

Они нашли источник через десять минут. Поляна. В центре — чёрный провал. Не яма. Провал. Будто кто-то вырезал кусок реальности идеальными ножницами.

— Что это? — прошептала Алина.

— Портал, — сказал Арсений. — Или дверь. Или то, что мы искали.

Из провала не шёл свет. Не шёл звук. Не шёл запах. Только холод — абсолютный, как в межзвёздном пространстве.

— Назад, — сказал Арсений. — Быстро.

Они побежали. Но снег не пускал. Он становился плотным, вязким, как цемент. Ноги увязали. Алина упала. Арсений подхватил её, потащил.

Позади провал рос. Расширялся. Чернота поглощала деревья, снег, воздух.

— Беги, — крикнул Арсений. — Не оборачивайся!

Она бежала. Он бежал. Позади — темнота, которая хочет их съесть.

Они вырвались. Вертолёт. Пилот уже запускал двигатели. Арсений втолкнул Алину внутрь, залез сам.

— Взлетай!

Вертолёт поднялся в воздух. Внизу, под ними, чёрное пятно расширялось, пожирая лес.

Через пять минут оно исчезло. Как не было.

— Что это было? — спросила Алина, трясясь от холода и страха.

— Стерхи, — ответил Арсений. — Или кто-то похуже.

Он не знал, что этот день станет началом конца. Или началом нового начала.

31 декабря 2188 года. Москва готовилась встречать 2189-й.

Красная площадь сияла. Ёлка — настоящая, 30 метров, — переливалась тысячами лампочек. Люди танцевали, пели, пили шампанское (настоящее, французское, привезённое на квантовых генераторах — быстро, дёшево, без углеродного следа). Дети запускали фейерверки. Старики плакали от счастья.

Арсений стоял у Кремлёвской стены, в толпе, затерянный среди тысяч лиц. Алина была рядом. Глеб и Лека тоже пришли — на время оставив свои отделы.

— С наступающим, — сказал Глеб, поднимая бокал.

— С наступающим, — ответили хором.

Бой курантов. Двенадцать ударов. Новый год.

Арсений поднял голову к небу. Звёзды были видны — чистое небо, без голографических помех. Где-то там, за 4 световых года, таились Стерхи. А где-то ещё дальше — те, кто создал Стерхов. Или те, кого создали Стерхи.

Загадок было больше, чем ответов.

Отец говорил: «Не бойся вопросов. Бойся ответов, которые успокаивают. Покой — это смерть».

Арсений не боялся. Он не умел бояться. Только чувствовал ответственность.

— За будущее, — сказал он, поднимая бокал.

— За будущее, — ответили друзья.

Они выпили. Закусили синте-оливье. Засмеялись чему-то несмешному.

А потом — продолжали жить.

«Год заканчивается. Хороший год? Тяжёлый. Мы победили Голема. Раскрыли заговор. Создали генератор. Сделали энергию бесплатной. Каплан ушёл в деревню. Глеб вернулся в команду. Алина... Алина стала моим вторым “я”. Лека наконец-то может бегать.

Но я знаю: это только начало. Сигналы в Сибири, портал, исчезновение людей — всё это звенья одной цепи. Кто-то или что-то проверяет нас на прочность. Мы выдержали два раза. Выдержим и третий? Не знаю.

Отец учил не загадывать. Жить днём. Решать задачи по мере поступления. Завтра будет завтра. А сегодня — праздник.

С Новым годом, папа. Где бы ты ни был».

Глава 1. Начало службы в ГСК.

За окнами здания ГСК — бывшей штаб-квартиры «Гипермеханики» — медленно светало. Декабрьское солнце, низкое и бледное, едва пробивалось сквозь облака, подсвечивая голографические шпили «Москва-Сити» на горизонте. Снег, выпавший за ночь, лежал на крышах машин, на ветках деревьев, на плечах редких прохожих, которые спешили по своим делам. Город жил. Город не знал, что на девятнадцатом этаже этого здания только что включилась тревога.

Арсений Соболев стоял у входа, подняв голову, и рассматривал фасад.

Здание было монументальным. Семь этажей над землёй, двенадцать под землёй — бывшее сердце корпорации, которая чуть не уничтожила Россию. Стекло и бетон, строгие линии, никаких излишеств. Вход — три вращающиеся двери с датчиками биометрии. Над входом — скромная вывеска: «Государственная служба кибербезопасности». Без герба, без лозунгов, без пафоса.

— Внушаешь? — раздался голос за спиной.

Арсений обернулся. Алина стояла, засунув руки в карманы длинного серого пальто, и улыбалась. Улыбалась она редко — не потому, что была некрасивой, а потому что за последние два года поводов для улыбок почти не было. Но сегодня был особенный день. Первый день на службе. Первый день новой жизни.

— Скорее настораживает, — ответил Арсений. — В этом здании Кондратьев планировал свои убийства. Здесь же Штерн создавал «Тихий интерфейс». Стены пропитаны ложью.

— А мы их перекрасим, — сказала Алина. — В честный цвет.

— Есть такой?

— Белый. Цвет чистого листа.

Она взяла его под руку, и они вошли внутрь.

Вестибюль оказался огромным — высотой в три этажа, с хорами по бокам и световым колодцем в центре, через который лился естественный свет. Пол — полированный гранит, чёрный и белый в шахматном порядке. На стенах — голографические экраны, на которых бежали сводки новостей, курсы валют (уже почти ничего не значившие) и обращения граждан.

Охрана — четыре андроида «Страж-5», последней модели. Они отличались от старых «Стражей» более плавными движениями, почти человеческой мимикой и встроенными анализаторами эмоций. Корпуса из белого пластика, глаза — голубые светодиоды без зрачков. Алина перепрошила их лично за две недели до открытия ГСК. Новый протокол назывался «Честность» — андроиды не могли врать, подчиняться незаконным приказам или скрывать информацию.

— Арсений Георгиевич Соболев, — произнёс один из них, когда они подошли к турникету. — Добро пожаловать. Ваш пропуск действителен. Уровень доступа — максимальный.

Андроид сказал это без подобострастия, а скорее с уважением, которое было запрограммировано, но от этого не казалось фальшивым.

— Спасибо, — ответил Арсений.

— Алина Дмитриевна Ветрова, — продолжил андроид. — Добро пожаловать. Ваш пропуск действителен. Уровень доступа — максимальный.

— Мы будем ходить вместе, — сказала Алина. — Отмечай в журнале: «Соболев и Ветрова — неразлучны».

— Отмечено, — ответил андроид без тени улыбки.

Они прошли через турникет. Позади остались вращающиеся двери, впереди — лифты.

Лифт был стеклянным, с панорамным видом на внутренний двор ГСК — бывший паркинг «Гипермеханики», превращённый в сквер с настоящими деревьями и скамейками.

Сотрудники ГСК (молодые, одетые в форму тёмно-синего цвета) уже прогуливались по дорожкам с чашками кофе. Квантовые генераторы сделали кофе бесплатным — настоящий кофе, привезённый из Вьетнама, а не синтезированная бурда, которую продавали в автоматах раньше.

— Никогда не думал, что доживу до этих дней, — сказал Арсений, глядя вниз.

— До чего?

— До того, что кофе будет бесплатным.

Алина рассмеялась — искренне, звонко.

— Ты ещё скажи, что воздух стал чище.

— Он и стал чище. Климатические дроны не загрязняют атмосферу. Мы дышим тем, что есть. Без добавок.

— И ты рад?

— Рад, что жив. Остальное — опции.

Лифт остановился на девятом этаже. Двери открылись в коридор, выложенный светлым деревом. По бокам — двери кабинетов с табличками: «Директор», «Заместитель директора», «Секретариат», «Зал совещаний».

Коридор был пуст, только в конце, у окна, стоял один человек в форме ГСК. Он повернулся, и Арсений узнал генерала Королёва.

Илья Владимирович Королёв, шестьдесят один год, генерал-полковник внутренней службы. Родился в 2127 году, застал ещё старую Россию — без квантовых генераторов, без нейро-линз, без социального рейтинга. Служил в Афганистане (с 2145 по 2148, война за водородные месторождения, проигранная, но почётная). После войны окончил Академию генштаба, работал в контрразведке. В 2170-х возглавил управление по борьбе с киберпреступностью. Вышел в отставку в 2185-м — после того как отказался подписать приказ о внедрении «Тихого интерфейса» в силовые структуры. Его хотели уволить с позором, но не успели — грянул скандал, «Гипермеханика» рухнула, и Королёв стал героем.

Президент позвал его в октябре 2188 года, когда создавали ГСК.

— Мне нужен человек, который не боится говорить правду, — сказал президент.

— Я не боюсь, — ответил Королёв. — Но правда часто неприятна.

— Тем более.

Королёв согласился. Не из честолюбия — из чувства долга. Как и Арсений.

Теперь они стояли друг напротив друга в пустом коридоре нового здания.

— Соболев, — сказал Королёв без приветствия, протягивая руку. — Вижу, ты нанялся.

— Призвали, товарищ генерал.

— Разницы нет. Главное, что ты здесь. А ты, Ветрова?

— Аналитический центр, — ответила Алина. — Жду назначения.

— Получишь. После совещания.

Королёв развернулся и пошёл по коридору. Арсений и Алина — за ним.

— Вы знаете, зачем я вас вызвал? — спросил генерал, не оборачиваясь.

— Профессор Вознесенский, — сказал Арсений. — Пропал в Петербурге.

Королёв остановился, повернулся.

— Откуда знаешь?

— У меня есть источники.

— Такие же, как у меня?

— Возможно.

Старый генерал усмехнулся. Усмешка была кривой — последствие старой раны, когда осколок перебил лицевой нерв.

— Мне нравится твоя наглость, Соболев. Надеюсь, ты подкрепишь её делом.

Они вошли в кабинет директора.

Кабинет Королёва был большим, но не роскошным. Минимализм: стол из тонированного стекла, кресло из чёрной кожи, три стула для посетителей. Стены — голографические панели, на которых можно вывести любые данные. В углу — сейф-криостарая модель 2175 года, толстостенный, с ручным управлением. Королёв не доверял квантовым замкам.

— Садитесь, — сказал генерал, опускаясь в кресло.

Арсений и Алина сели напротив.

— Вчера, 30 ноября, в 21 час 14 минут, профессор Вознесенский вышел из своей лаборатории в Пулковской обсерватории. Пошёл курить — у него была вредная привычка, которую не смогли отбить даже импланты. Квантовые папиросы — ядрёная смесь. В 21 час 17 минут он зашёл в курительную комнату. С тех пор его не видели.

— Курительная комната на первом этаже? — спросил Арсений.

— Да.

— Окна?

— Забаррикадированы решётками.

— Охрана?

— Два андроида «Страж-3» у входа. Отчёты в норме.

— Они что-то видели?

— Нет.

— Как это возможно?

— А никак. Поэтому я и позвал тебя.

Королёв нажал кнопку на столе. Голографическая панель засветилась, показывая план Пулковской обсерватории, фотографию Вознесенского (лысый, с бородкой, в вельветовом пиджаке — мода 2170-х), и маленький предмет — амулет.

— Это нашли на столе Вознесенского, — сказал генерал. — Среди его бумаг.

Амулет был размером с пятирублёвую монету, серый, с едва заметными узорами — не гравировкой, а, скорее, вытравленным химией рисунком. Похож на тот, что создал Каплан. Но не такой. Чуть тяжелее. Чуть темнее. И без привычного свечения.

— Каплан говорил, что амулеты светятся, когда работают, — сказала Алина.

— Этот не светится, — подтвердил Королёв. — Мы проверили. Он мёртвый.

— Модель?

— Никто не знает. Наши инженеры говорят, что схема отличается от каплановской. Принцип тот же — извлечение энергии из вакуума. Но есть нюансы.

— Какие?

— Амулет не отдаёт энергию. Он её... поглощает. Мало. Очень мало. Как будто заряжается.

— От чего?

— Неизвестно.

Арсений взял планшет, приблизил изображение.

— Можно посмотреть на него вживую?

— Амулет уже везут в Москву. Завтра будет.

— А профессор? Его ищут?

— Ищут. Полиция Петербурга, наши люди. Пока безрезультатно.

— Я хочу съездить в Петербург.

— Зачем? Улики уже изъяты.

— Улики — это не всё. Место — тоже улика. Оно помнит то, чего нет в отчётах.

Королёв смотрел на Арсения несколько секунд. Потом кивнул.

— Хорошо. Завтра вылетаете. Ветрова — с тобой. И прихвати Лебедева.

— Серова, — поправил Арсений. — Лека.

— Лека? Какое детское имя.

— Детское, но за ним — мужчина, который дважды спас нам жизнь.

— Берите своего Лебедева. Но чтобы через три дня отчёт был на столе.

После разговора с Королёвым Арсений и Алина вышли в коридор. Алина молчала — думала.

— Ты чего? — спросил Арсений.

— Вознесенский, — сказала она. — Я слышала о нём. Он из старых универсантов. Был в одной группе со Штерном.

— Правда?

— Да. Они вместе учились в МГУ в 2170-х. Я проверяла архивы — когда искала связи Штерна. Вознесенский был его другом. И коллегой.

— Но Штерн никогда не упоминал его.

— Потому что они поссорились. В 2178 году. Из-за «Тихого интерфейса». Вознесенский считал, что эта технология опасна. Штерн — что необходима.

— И Вознесенский оказался прав.

— Как всегда. Но его никто не слушал. Он ушёл из «Гипермеханики», уехал в Питер, забился в Пулковскую обсерваторию. И сидел там тихо, как мышь.

— До вчерашнего дня.

— До вчерашнего дня.

Арсений остановился у окна, посмотрел на сквер внизу.

— Значит, Вознесенский знал Штерна. Может быть, он знал и о Големе. И о Каплане.

— Не может быть, — возразила Алина. — Если бы он знал, он бы заговорил. Он был против «Тихого интерфейса».

— Против. Но молчал. Почему?

— Боялся?

— Или его заставили замолчать.

Алина побледнела.

— Ты думаешь, его похитили те же, кто похищал Каплана?

— Возможно.

— Но Орлов в тюрьме. Его люди тоже.

— Один Орлов. А корпораций, которые хотят вернуть старый мир, — сотни. И у них есть деньги, люди, связи.

— И амулеты, которые не работают как наши.

Арсений кивнул.

— Завтра увидим.

Олег Серов, он же Лека, сидел в своём новом кабинете на пятом этаже ГСК и тестировал позвоночник.

Новый позвоночник был бионическим — титан, аммоний, нанотрубки. Он стоил 12 миллионов рублей (до перехода на новую экономику), теперь — ничего. Государство оплатило операцию как «компенсацию за нанесённый вред здоровью при исполнении общественного долга».

Лека был счастлив.

Он мог бегать. Прыгать. Стоять прямо. Сидеть без боли. Даже танцевать — хотя танцевать он не умел и не собирался учиться. Но главное было не в этом. Главное — он мог спать по ночам. Впервые за двадцать лет.

— Лека, — сказал Арсений, входя без стука (они договорились — никаких стуков). — Ты готов?

— К чему?

— К командировке. В Питер.

— Прямо сейчас?

— Завтра утром.

— А мои лаборатории? Я только настроил калибровку.

— Настроишь потом.

Лека вздохнул. Он не любил командировки — после побега из «Твоей спины» Глеба он боялся дальних поездок. Но возражать не привык.

— Что за дело? — спросил он.

— Пропал профессор Вознесенский. Друг Штерна. Возможно, знает о новых амулетах.

— Каких амулетах?

— Таких же как у Каплана, но не наших.

Лека замер.

— Ты хочешь сказать, кто-то украл у Каплана технологию?

— Или Каплана украли вместе с технологией. А может быть, Каплана тоже похитили.

— Каплан в деревне. Он живёт с курами.

— Был. А сейчас — не знаю. Я проверял три дня назад. Его не было.

Лека побледнел.

— Ты думаешь, он тоже пропал?

— Я думаю, что это не случайность. Вознесенский — исчез. Каплан — исчез. Оба работали над квантовой энергетикой. Оба имели доступ к технологиям, которые изменили мир.

— И оба молчали.

— Молчали. Пока не пришли те, кто заставил их заговорить.

Лека встал. Новый позвоночник чуть скрипнул — смазка ещё не притёрлась.

— Я с вами.

— Знаю.

Кабинет Леки оказался похож на его старую квартиру-бункер — провода, платы, старые мониторы, запах паяльника и синте-кофе. Но теперь здесь работали три инженера — молодые, из новых выпускников, которых Лека отобрал лично.

— Знакомьтесь, — сказал Лека. — Семён, Катя, Настя. Лучшие техники.

— По уборке? — усмехнулся Арсений.

— По уму, — ответила Катя, невысокая девушка с мальчишеской стрижкой и серьгой в носу. — Арсений Соболев? Легенда. Можно автограф?

— Не легенда, а сотрудник. Автограф дам.

Катя запищала от восторга.

— Запомните лица, — добавил Лека. — Когда нас не будет, вы отвечаете за калибровку генераторов.

— Куда вы? — спросил Семён.

— В командировку. Вернёмся через три дня.

— А если не вернётесь?

— Тогда подадите рапорт на повышение.

Шутка была невесёлой. В комнате повисла тишина.

— Не пугай людей, — сказал Арсений.

— Они знают, куда идут работать. ГСК — не санаторий.

Лека был прав. Государственная служба кибербезопасности создавалась не для парадов. Для войны. С теми, кто пытается уничтожить новый мир.

Вечером 1 декабря Арсений пришёл в кабинет Глеба — этажом выше, в угловое помещение с окнами на Лубянскую площадь. Глеб не любил угловые кабинеты — напоминали ему о засадах, но начальнику отдела по борьбе с биороботами полагалось что-то солидное.

— Сборы? — спросил Глеб, не поднимая головы от планшета.

— Завтра утром вылетаем.

— Взял тёплые вещи? Питер зимой — дубак.

— Взял.

— Оружие?

— Зачем?

— Затем, что Вознесенского похитили. Если похитители окажутся на месте, тебе придётся защищаться.

— У меня есть Алина и Лека.

— Алина — аналитик. Лека — техник. Ты — лидер. Но стрелять умеете только ты и я. А я остаюсь в Москве.

Арсений подошёл к окну. Лубянская площадь внизу горела огнями. Дети катались на синте-льду — искусственном покрытии, которое не таяло даже при плюсе. Родители пили кофе из автоматов (бесплатный, но уступающий настоящему). Всё было мирно. Слишком мирно.

— Ты прав, — сказал Арсений. — Возьму пистолет.

— ЭМИ? — спросил Глеб.

— Обычный. На похитителей людей электроника действует плохо.

— Возьми ЭМИ. И обычный. На всякий случай.

— Два пистолета? Я не солдат.

— Ты — человек, на которого охотятся те, кому мешаешь. А ты мешаешь всем.

Глеб поднял голову. Его глаза — тёмно-карие, почти чёрные — смотрели серьёзно.

— С нами говорили, — спросил он, — с Капланом? Он в безопасности?

— Не знаю. Я не смог дозвониться.

— Значит, и он пропал.

— Не факт. Телефон мог разрядиться.

— Каплан. Гениальный изобретатель. Который создал амулет. Забыл зарядить телефон.

Глеб усмехнулся.

— Ты сам не веришь в то, что говоришь.

Арсений промолчал.

— Ладно, — Глеб встал. — Поешь перед отлётом. В Питере с едой напряжённо — они там до сих пор синтезаторы используют. Настоящую еду не завезли.

— Спасибо, мама.

— Мама твоя в криокамере. Пока.

Они обнялись. Друзья, которые прошли ад. И готовились пройти его снова.

Перед сном Арсений зашёл в архив ГСК — базу данных, которую Алина наполнила информацией о всех контактах Штерна, Кондратьева и их сообщников. Имя Вознесенского встречалось трижды:

- 2174 год: совместная статья со Штерном «Квантовые флуктуации и возможность извлечения энергии». Журнал «Физика высоких энергий». Темы: теоретические основы того, что Каплан воплотил через 14 лет.

- 2177 год: совместный патент № 347-ГМ «Устройство для стабилизации квантовых флуктуаций». Патент принадлежал «Гипермеханике». Вознесенский — соавтор.

- 2179 год: разрыв отношений. Причина — этические разногласия. Вознесенский покидает «Гипермеханику», уезжает в Петербург. Штерн остаётся.

— Они знали друг друга 30 лет, — прошептал Арсений. — Штерн умер в тюрьме. Вознесенский исчез. Что связывало их всё это время? Квантовая энергия?

Амулет, найденный на столе Вознесенского, был старым. Алина проверила изотопный состав металла — сплав соответствовал образцам 2175 года. Время, когда Вознесенский и Штерн работали вместе.

— Вознесенский хранил его 13 лет, — сказал Арсений.

— Зачем?

— Как напоминание. Или как доказательство.

— Чего?

— Того, что квантовая энергия была известна задолго до Каплана. Но её скрывали.

— Кто?

— Штерн. Кондратьев. «Гипермеханика». Те, кто боялся, что свободная энергия разрушит их бизнес.

Арсений отодвинул планшет. В голове складывалась картина — неполная, но пугающая.

Из дневника Арсения Соболева, 1 декабря 2188 года:

«Первый день на службе. Говорят, я стал чиновником. Но не чувствую себя им. Скорее — солдатом на новой войне. Вознесенский, Каплан, таинственный амулет, который не работает как наши, но пугает. Всё это звенья одной цепи.

Отец говорил: “Цепи бывают двух видов — те, что связывают, и те, что соединяют”. Не знаю, какая эта. Время покажет.

Завтра летим в Питер. Пулковская обсерватория, снег, холод, может быть, призраки прошлого. Штерна больше нет. Но его тень длинная.

Спасибо, папа, что научил не бояться теней. Они только кажутся страшными. На самом деле — тьма пуста».

Глава 2. Воспоминание.

Арсений шагнул в коридор, и дверь кабинета Королёва закрылась за ним с глухим, почти могильным стуком.

Алина стояла у окна, прислонившись плечом к стеклу. Свет уличных фонарей подсвечивал её силуэт, превращая знакомые черты в застывшую гравюру — строгую, сосредоточенную, вечно готовую к любой неожиданности.

— Ну что? — спросила она.

Она не сказала «что случилось» или «что там у генерала». Только «ну что». Как будто знала: что-то случилось, и оно неприятное, и теперь им опять предстоит разгребать чужую задницу.

— Новое дело, — ответил Арсений, прислоняясь к стене рядом с ней. Стекло было холодным — декабрьским, почти ледяным. Пальцы быстро замерзли, но он не отдёрнул руку. — Пропал учёный.

— Кто?

Арсений протянул планшет. На экране — официальное уведомление ГСК, гриф «Секретно», фотография Вознесенского и серый амулет на белом фоне.

— Профессор Даниил Вознесенский, — прочитала Алина. — Физик-ядерщик. Питер. Пропал... вчера?

— Два дня назад. Ни следов, ни записей камер. Как сквозь землю провалился.

— А это? — Алина коснулась пальцем изображения амулета. — Схема Каплана?

— Похож, но не работает. Внутри — другая начинка.

— Другая в каком смысле? Защита? Слежка? Бомба?

— Не знаю. Королёв говорит, что амулет поглощает энергию. Мало, почти незаметно. Как будто заряжается от чего-то.

— От чего?

— Неизвестно. Ответа пока нет.

Алина подняла глаза от экрана. В её взгляде мелькнуло то выражение, которое Арсений знал слишком хорошо — смесь любопытства, тревоги и холодного расчета.

— Может, подделка, — предположила она. — Кто-то пытается воспроизвести технологию Каплана, но у него не получается. Выходит брак.

— А может, и не брак, — возразил Арсений. — Может, кто-то создал то, что Каплан создавать не умеет.

Алина хотела спросить «что именно», но не спросила. Она знала — Арсений скажет, когда будет уверен.

Вместо этого она произнесла:

— Ты вспомнил.

— Что?

— Старое расследование. Помойку. Отца.

— Вспомнил, — тихо ответил Арсений, не глядя на неё. — Трудно забыть, когда каждое новое дело как копия прошлого. Только декорации другие, а суть — та же.

— Та же?

— Всегда. Кто-то что-то прячет. Кто-то кого-то крадёт. Кто-то создаёт оружие, которое в итоге обращается против него.

— А мы?

— Мы — те, кто чистит последствия. Или предотвращаем, если повезёт.

Алина замолчала, вспоминая.

— Тот день, — сказала она негромко. — Когда ты принёс в школу старый сервомодуль. Я подумала — ты сумасшедший.

— Я и был сумасшедшим. Но модуль оказался не мусором.

— Оказался ключом ко всему.

Арсений кивнул. Им обоим незачем было говорить больше — оба помнили каждую деталь.

Из дневника Арсения Соболева (неопубликованная запись, март 2184 года):

«Сегодня нашёл на помойке старый сервомодуль. РС-78, выпуск 2172-го. Ржавый, с вырванным разъёмом питания. Аварийный индикатор мигал красным. Значит, питание внутри было — странно для выброшенной рухляди.

Дома отец вскрыл модуль. Внутри — не процессор, а маленький чёрный куб. Нанокристаллический накопитель. Капсула.

Отец побледнел. Я такого не видел никогда — он всегда был спокоен как удав. Сказал: “Ты не представляешь, что принёс”.

Я не представлял. А теперь — представляю.

В капсуле — список. Одиннадцать имён. Семь — “Гипермеханика”. Четыре — правительство. И ключи от архивов, которых не существует.

Отец тогда долго сидел над капсулой, вскрывая её слой за слоем. Арсений помнил — это было похоже на операцию на открытом сердце. Микроинструменты, голографический микроскоп, перчатки из антистатической резины. Отец не доверял имплантам — говорил, что настоящий мастер работает руками.

— Арс, — сказал отец, когда вскрыл последний слой. — Это не просто список. Это карта. Кто, кому, за что, когда.

— Чья?

— Сотрудника «Гипермеханики», который решил, что совесть дороже денег. Его убили за неделю до того, как ты нашёл модуль.

— Убили?

— Официально — несчастный случай. Неофициально — чип перегрелся. У него в мозгу был «Тихий интерфейс». Экспериментальная версия.

Арсений тогда не до конца понимал, что это значит. Но запомнил.

Помойка. Весна. Вонь горелого пластика. И маленький чёрный куб, который изменил всё.

Из личного архива Георгия Соболева, апрель 2184 года:

«Сегодня начал учить Арсения. Не код — смотреть. Настоящее расследование начинается не с фактов, а с того, что не вписывается.

— Почему этот робот не видит стакан на боку, Арс?

— Потому что его ПЗС-матрица обучена на вертикальные объекты.

— Нет. Потому что создавший его кодер был пьян и забыл прописать условие распознавания горизонтальных объектов. Или — что хуже — прописал намеренно. Ищи не шум в данных, ищи, кому выгоден этот шум.

Арсений задумался. Долго. Потом спросил:

— А если нет шума?

— Тогда создай его сам. Не шум, а событие, которое заставит молчащих заговорить. Враг не раскрывается без причины. Создай причину.

— Как?

— Для каждого врага — своя. Для одного — страх, для другого — жадность, для третьего — любовь. Узнай, чего он боится больше всего. И покажи ему это.

Стратегия от противного.

Завтра покажу ему, как вскрывать прошивку уборщика. Неочевидное решение.»

Арсений вспомнил этот разговор, стоя в коридоре ГСК. Теперь стратегия от противного стала его главным оружием.

— Алина, — сказал он, отрываясь от стены. — Найди мне всё, что можно, о Вознесенском. Кто с ним общался, куда ходил, чем интересовался.

— Сделаю. Срок — к вечеру.

— И найди Леку.

— Зачем?

— Мне нужен его талант влезать в чужие сети. Если Вознесенского похитили — они оставили цифровые следы.

— А если не похитили, а он ушёл сам?

— Тогда тем более.

Алина кивнула и скрылась за дверью лифта.

Середина декабря всегда была временем памяти. В ГСК, в старом здании «Гипермеханики», особенно остро чувствовалась тяжесть прожитых лет. Слишком многое здесь напоминало о тех, кто работал в этом кабинете до них — Штерне, Кондратьеве, их молчаливых подчинённых.

Арсений часто ловил себя на мысли, что стены хранят не только холод, но и чужую злость. Иногда казалось — вот-вот, и из-за угла выйдет профессор Штерн с неизменной кружкой синте-кофе и спросит: «Ну что, Арсений Георгиевич, убедились, что мир не меняется?»

Не убедился. Но понял другое: технологии меняются быстро, а люди — медленно. И в 2188 году, как и в 2184-м, есть те, кто хочет вернуть старый мир — с тайными сделками, подставными убийствами и властью за спиной закона.

Разница лишь в том, что теперь у них был Арсений Соболев.

Отец учил: *«Если ты можешь решить задачу — реши. Потому что кроме тебя её никто не решит правильно».

В 2184-м он решил одну. В 2186-м — другую. В 2188-м, чувствовал он, на подходе третья.

Из дневника Алины Ветровой, 1 декабря 2188 года, вечер:

«Арсений говорит, что новый амулет — не подделка. Я ему верю. Но если это не подделка — тогда что? Технология, о которой не знали мы? Или технология, которую мы не захотели знать?

Вознесенский был другом Штерна. Штерн был гением. Штерн был чудовищем. Вознесенский ушёл от него, когда понял, куда ведёт “Тихий интерфейс”. Неужели он тоже создавал оружие? Или пытался создать защиту от оружия?

Пока не знаю. Но узнаю

Арсений сказал: “Ищи неочевидное”. Я ищу. Скоро найдётся».

К восьми вечера Алина уже держала в руках первую подборку.

— Вознесенский избегал цифр, — сказала она, заходя в кабинет Арсения без стука. — Нейро-линзами пользовался только по необходимости. Социальные сети — ноль. Даже с женой общался через старый коммуникатор без шифрования.

— Без шифрования? — переспросил Арсений. — Это же глупо.

— Или осознанно. Без шифрования легче перехватить разговор. Может быть, он хотел, чтобы его перехватили.

— Для чего?

— Чтобы напугать кого-то. Или, наоборот, успокоить.

— Второе маловероятно. Кого успокаивает старик, который звонит жене без шифрования?

— Его жену.

Алина вывела на экран фотографию.

— Светлана Вознесенская, шестьдесят лет, пенсионерка. Заброшенный профиль в архивах «Одноклассников-18» (сеть закрыта в 2180-м). Оттуда я вытащила фотографии и список друзей — всё из 2170-х.

— Кто в списке?

— Бывшие сотрудники «Гипермеханики». Пять человек. Один — мёртв. Двое — за границей. Один — в коме. Последний — ваш старый знакомый.

— Кто?

— Эдуард Штерн.

— Штерн мёртв.

— Формально — да. Неформально — его дело ещё не закрыто. Следствие не исключает, что у Штерна были сообщники, которых не нашли.

Арсений взял паузу.

— Кто в коме?

— Бывший программист «Гипермеханики». Инсульт в 2185-м. Лежит в вегетативном состоянии в клинике под Петербургом.

— Вознесенский навещал его?

— Нет. Общался с его женой. Через старый коммуникатор.

Арсений подошёл к карте, которую Алина вывела на голо-экран. Точки: Петербург — Пулково — Обсерватория — Лаборатория — Клиника — Квартира Вознесенских.

— Он двигался по треугольнику. Дом — работа — клиника. Иногда — квартира бывшего программиста. Маршрут замкнутый.

— Как будто его контролировали, — подхватила Алина. — Или он сам себя контролировал.

— Или он кого-то охранял. Того, кто в коме. Или того, кого уже нет.

Лека появился через час — взъерошенный, с красными глазами и кружкой синте-кофе, забытой в одной руке. Он успел залезть в сервер обсерватории.

— У них защита — как решето, — сказал он, плюхаясь на стул. — Протоколы 2175 года. Я проник через старый порт, который никто не закрыл.

— Нашёл что-то? — спросил Арсений.

— Записи камер. Вознесенский вошёл в курительную комнату, но не вышел. В это же время сработал датчик движения на крыле — запасной выход, который по документам был заклепан с 2179 года.

— Заклепан?

— Буквально. Клёпка снаружи. Кто-то должен был оторвать её, чтобы выйти. А внутри камер нет — глухая зона.

— Значит, кто-то ждал его снаружи.

— Или внутри. В курительной комнате было окно — забаррикадировано решётками, но решётки не приварены, а прикручены. Кто-то открутил их с внутренней стороны.

— Вознесенский сам?

— Теоретически — мог. Но зачем ему сбегать через окно, если он гулял по территории сколько хотел?

Арсений посмотрел на Алину.

— Контроль. Говорила же — его контролировали.

— Кто?

— Тот, кто боялся, что он скажет правду.

Лека отставил кружку.

— А что за правда? Вознесенский работал над квантовой телепортацией. Это легальная тема.

— Легальная, — согласился Арсений. — Но есть нюанс: телепортация требует энергии, которую можно извлечь только из вакуума. А извлечение из вакуума — это наш генератор. Если Вознесенский нашёл способ извлекать энергию без амулета, это переворот.

— И угроза для тех, кто зарабатывает на амулетах, — закончила Алина. — Например, для старых акционеров "Росэнерго".

— Они в тюрьме.

— Рядовые — да. Главы — нет.

Арсений замолчал. В его голове складывалась новая картина — тревожная, неполная, но уже ясная в главном.

Вознесенский создал нечто, что кто-то хотел украсть или похоронить. И исчез до того, как успел опубликовать работу.

Вопрос: «нечто» — это амулет, который нашёл Королёв? Или это другой амулет, который забрали похитители?

Из оперативных сводок ГСК, 1 декабря 2188 года, 22 часа 30 минут:

«По факту исчезновения Даниила Вознесенского создана оперативная группа:

Арсений Соболев — руководитель

Алина Ветрова — аналитика

Олег Серов — техническая поддержка

Выезд в Санкт-Петербург — завтра, 06 часов 00 минут.

Задачи:

Осмотреть место исчезновения.

Проверить серверы на наличие удалённых данных.

Допросить коллег Вознесенского.

Установить возможные контакты.

Статус: принято к исполнению».

Глеб встретил Арсения у лифта.

— Слышал, вылетаете рано, — сказал он.

— В шесть утра. Ты чего не спишь?

— Думаю. Профессор Вознесенский — это что-то из старого архива. Штерна. Я пересматривал дела, которые ты притащил из «Гипермеханики». Там есть упоминание.

— Какое?

— Не помню точно. Нужно смотреть.

— Посмотри. И пришли мне, если найдёшь что-то, до вылета.

Глеб кивнул.

— Береги себя, Арс. И Леку с Алиной.

— Обязательно.

Лифт закрылся. Арсений остался один в коридоре, провожая взглядом исчезающую фигуру друга.

Отец говорил: *«Враг не раскрывается без причины. Создай причину». Он создал. Теперь нужно ждать, когда враг покажет себя.

В том-то и дело — ждать Арсений не умел.

Из дневника Арсения Соболева, 1 декабря 2188 года, 23:15:

«Снова Питер. Снова холод, снег, неизвестность. В прошлый раз я не доверял Глебу. Ошибся. В этот раз — доверяю, но с оглядкой.

Глеб — семьянин. У него мать в криокамере, отец в отставке, брат в тюрьме. Ему есть что терять. Мне — только друзья и память об отце.

Вознесенский потерял всё — жену, работу, друзей. Может быть, даже свободу. Но не совесть. Ради чего он молчал 13 лет? Ради кого?

Завтра попробую узнать.

Отец, помоги.»

Глава 3. Первые улики.

Москва, 1 декабря 2188 года, 23:47. Здание ГСК на Лубянке не спало.

Огни горели в каждом втором окне — аналитический центр работал круглосуточно, технический департамент доделывал калибровку новых серверов, служба безопасности проверяла периметр. В кабинете Арсения Соболева было тихо и душно — отопление с утра сбилось, и батареи грели так, что хотелось открыть окно. Но окно не открывалось — по требованиям ГСК, все окна выше пятого этажа блокировались аварийными заслонками.

Арсений сидел за столом, перебирая файлы на планшете. Алина уехала к себе — готовиться к командировке. Глеб пропал в подземном тире — оттачивал стрельбу после полугодового перерыва. Лека…

— Копнул, как ты просил, — сказал Лека, входя в кабинет без стука (они договорились: никаких стуков — только друзья).

Он держал в руке планшет — новенький, с блестящим корпусом, который купил на первой зарплате в ГСК. Ходил он по-прежнему сгорбленно — хотя новый позвоночник работал идеально, привычка горбиться осталась. Болезнь, которая сидит не в костях, а в голове.

— Бросай на стол, — сказал Арсений, не поднимая головы.

Лека бросил. Планшет заскользил по гладкой поверхности и остановился в сантиметре от края. Арсений наконец поднял глаза.

— Ну?

— Вознесенский был не один, — Лека сел на стул, вытянув ноги. — У него был ученик. Ходил за ним хвостом два года, потом поругались, и ученик исчез.

— Как его зовут?

— Андрей Кольцов. Физик, специалист по квантовым флуктуациям.

— Сколько лет?

— Тридцать два. Закончил физтех в 2178-м, потом аспирантура в Пулковской обсерватории. Там и встретил Вознесенского. Тот взял его под крыло.

Арсений включил диктофон — привычка, оставшаяся со времён, когда каждое слово могло стать уликой.

— Рассказывай подробнее.

Лека перегнулся через стол и начал выводить на голо-экран графики и фотографии.

— Кольцов — вундеркинд. В 16 лет поступил в физтех, в 22 — кандидат наук, в 25 — доктор. Имел три патента на квантовые процессоры. Его считали наследником Вознесенского. Тот души в нём не чаял.

— А потом?

— А потом Кольцов заявил, что нашёл способ извлекать энергию из вакуума без массивных установок — с помощью одного чипа размером с монету.

— Как Каплан?

— Раньше, чем Каплан. За полгода до того, как Каплан опубликовал свою схему.

Арсений присвистнул.

— Вознесенский не оценил?

— Оценил. И подал заявку на патент от своего имени. Кольцов утверждал, что идея принадлежит ему. Доказательств не было. Суд проиграл.

— Потому что не было доказательств?

— Потому что Вознесенский был авторитетом, а Кольцов — молодым нахалом. Судья поверил профессору.

— И что Кольцов?

— Исчез. На два месяца пропал из поля зрения — не выходил на связь, не платил за квартиру, не пользовался банковскими картами.

— Мог уехать за границу?

— Мог, но пограничники его не фиксировали. Или он перешёл границу там, где камер нет. Или его не было на территории России.

— А потом?

— Потом всплыл. В Петербурге, в той же лаборатории, где работал Вознесенский.

— Его пустили обратно?

— Нет. Он пришёл как посетитель — на конференцию по квантовой энергетике. Вход был свободный, пригласительные не требовались.

— Когда это было?

— 28 ноября. За два дня до исчезновения Вознесенского.

Арсений замер. Слишком близко. Слишком прямо. Слишком похоже на месть.

— Кольцов и Вознесенский пересекались?

— Кто-то говорит, что да. Видели, как они разговаривали в курилке. Кто-то говорит — нет. Камеры в курилке нет, а свидетели расходятся.

— Сколько свидетелей?

— Двое. Один — коллега Вознесенского, профессор Звягинцев. Второй — уборщица, женщина пожилая.

— Что говорят?

— Звягинцев утверждает, что Вознесенский и Кольцов мирно беседовали, потом разошлись. Уборщица — что Вознесенский кричал на Кольцова, а Кольцов плакал.

— Кому верить?

— Никому. Оба могут ошибаться.

Арсений откинулся на спинку стула.

— Найди Кольцова, — сказал он. — Живого или мёртвого.

— Уже ищу. Но он снова исчез.

— После конференции?

— Да. Его коммуникатор молчит, соцсети не обновляются, банковские карты не используют. Как сквозь землю провалился.

— Или как Вознесенский.

Лека кивнул, лицо его было мрачным.

— Два исчезновения за два дня. Один — старый профессор, другой — молодой учёный. Оба работали над одной темой.

— Квантовая энергия.

— Квантовая энергия, которую можно добывать без амулета.

Арсений встал, подошёл к окну — за толстым стеклом мерцали огни ночной Москвы.

— Это уже не просто пропажа, Лека. Это тренд.

— Тренд?

— Кто-то убирает тех, кто знает о квантовой энергии слишком много. Или тех, кто знает слишком мало.

— Кого убирают за незнание? Это бессмысленно.

— Если ты знаешь, чего не знаешь, — возразил Арсений, — ты опаснее, чем тот, кто знает всё. Незнание создаёт вопросы. Вопросы ведут к расследованиям. Расследования — к раскрытию тайн.

Лека вздохнул — тяжело, как человек, который привык нажимать на кнопки, а не распутывать заговоры.

— Я лучше побуду техником. Вам, сыщикам, нравится усложнять.

— Мир сложен, — сказал Арсений. — Мы не выбираем. Мы реагируем.

Часом позже, когда Лека ушёл настраивать оборудование для завтрашнего вылета, в кабинет постучали — коротко, три удара. Алина.

— Можно?

— Заходи.

Алина была в домашнем — свитер, джинсы, волосы стянуты в хвост. Редкий для неё вид: без формы, без макияжа, без защитных механизмов. Арсений знал, что она собиралась спать, но что-то заставило её вернуться.

— Не могла уснуть, — сказала она, садясь на стул.

— Я тоже.

— Думал о Кольцове?

— О нём. И о Вознесенском.

— У меня есть кое-что, — Алина положила на стол старый квантовый накопитель — серую коробочку с потёртыми краями. — Помнишь базу данных Штерна? Ту, что мы вытащили из «Гипермеханики»?

— Конечно.

— Я нашла там упоминание Вознесенского. Не просто упоминание — переписку.

Арсений напрягся.

— Какого года?

— 2177-й. Как раз, когда они со Штерном работали над «Тихим интерфейсом».

— Покажи.

Алина подключила накопитель к терминалу. На экране засветились строчки — старый формат, ещё с мёртвых языков программирования.

Штерн: «Даниил, я понимаю твои страхи, но технология необходима. “Тихий интерфейс” — это не оружие. Это инструмент. Как нож — им можно резать хлеб или убивать. Выбор за человеком».

Вознесенский: «Ты создаёшь нож, который делает выбор за человека. Остановись, Эдуард. Пока не поздно».

Штерн: «Ты слаб. Как и все, кто боится будущего».

Вознесенский: «Я не боюсь будущего. Я боюсь тебя».

Штерн: «Бойся кого хочешь. Через десять лет ты поймёшь, что я был прав».

Вознесенский: «Через десять лет ты будешь мёртв или в тюрьме».

— Пророчество сбылось, — сказал Арсений, дочитав. — Штерн умер в тюрьме. А Вознесенский пропал.

— Но не из-за Штерна. Штерн не мог организовать похищение из могилы.

— Мог, если его сообщники живы.

— Кто? Кондратьев в тюрьме. Виктор Торопов — тоже. Орлов арестован. Остальные разбежались.

— Или затаились.

Алина кивнула.

— Есть ещё кое-что. Кольцов, оказывается, был знаком со Штерном. Лично.

Арсений резко выпрямился.

— Откуда данные?

— Штерн вёл дневник. Я нашла его в глухом архиве — старые записи на диктофон, оцифрованные перед смертью. В одном из фрагментов он говорит о талантливом студенте, который помогал ему с расчётами квантовых флуктуаций.

— Студент — Кольцов?

— Да. Кольцов учился у Штерна в 2175-м году. Потом Штерн его отчислил.

— За что?

— За дерзость. Кольцов критиковал «Тихий интерфейс». Говорил, что эти разработки опасны.

— Значит, Кольцов был против «Тихого интерфейса»?

— Был. А потом ушёл к Вознесенскому, который тоже был против. И работал над альтернативой — квантовыми генераторами без порабощающего эффекта.

— Идеальная любовь.

— Идеальная, пока Вознесенский не украл его патент.

Арсений отключил терминал.

— Завтра летим в Питер. Поговорим с коллегами Вознесенского, осмотрим лабораторию.

— А Кольцов?

— Кольцова искать по горячим следам. Лека подключится ко всем камерам в городе, прочешет социальные сети, опросит информаторов.

— Ты думаешь, он остался в Питере?

— Если он похитил Вознесенского — да. Если он сам похищен — тоже.

Алина собралась уходить, но задержалась у двери.

— Арс, будь осторожен.

— Всегда.

— Нет. Не всегда. В прошлый раз ты чуть не погиб.

— И выжил.

— В этот раз может не повезти.

Арсений подошёл к ней, взял за руку.

— Ты боишься за меня? Или за расследование?

— За тебя. Расследование может подождать.

— Не может. Если Вознесенский и Кольцов исчезли не случайно, кто-то зачищает концы. Завтра может быть поздно.

Алина высвободила руку.

— Тогда спи сегодня. Не сиди до утра.

— Обещаю.

Она ушла. Арсений остался один. Обещание он сдержал — лёг в два часа ночи и спал без снов.

Вертолётная площадка на крыше ГСК встретила их морозом и ветром. Температура упала до минус двадцати за ночь — климатические дроны, отключённые с осени, не смягчали погоду, и декабрь брал своё. Арсений кутался в армейский полушубок, Алина — в длинное пальто из верблюжьей шерсти (подарок отца), Лека — в утеплённый комбинезон, который делал его похожим на космонавта.

— Всё взяли? — спросил Глеб, пришедший проводить.

— Взяли, — ответил Арсений. — Следи за Москвой.

— Всегда.

Они обнялись — быстро, по-мужски, без лишних слов.

Вертолёт поднялся в воздух. Москва осталась внизу — бескрайнее море огней, дыма и снега. Арсений смотрел в иллюминатор и вспоминал, как три года назад летел в Петербург с отцом — на маленьком частном самолёте, без охраны, без сопровождения. Отец учил его осматривать салон на предмет жучков.

— Никогда не доверяй чужому транспорту, — говорил он. — В любой техники есть закладки.

Арсений и сейчас проверил — нашёл два скрытых микрофона и один датчик движения. Аккуратно отключил. Пилот не заметил — или сделал вид.

— Ты чего возишься? — спросил Лека.

— Порядок навожу, — ответил Арсений.

09 часов 15 минут — Взлёт с площадки ГСК.

09 часов 22 минут — Набор высоты 1,5 тысячи метров. Видимость хорошая.

09 часов 34 минут — Прохождение зоны Твери. Болтанка.

09 часов 47 минут — Вход в воздушное пространство Новгородской области. Снегопад.

10 часов 03 минут — Снижение.

10 часов 15 минут — Посадка на вертолётной площадке ГСК-Питер.

Весь полёт занял ровно час. Арсений не спал — смотрел в окно и думал.

Петербург встретил их пургой.

Ветром, который дул с Финского залива, сбивал с ног и залеплял глаза снегом. Синтезаторы воздуха, встроенные когда-то в уличные фонари, не работали — их отключили за ненадобностью вместе с климатическими дронами. Город дышал тем, что есть — морозным, колючим, настоящим воздухом.

Пулковская обсерватория находилась в пригороде, на холме, с которого открывался вид на заснеженные поля и серое небо. Здание обсерватории — сталинский ампир, колонны, лепнина, купола, которые когда-то скрывали телескопы. Теперь телескопы были в подземелье — с поверхности звёзд не видно из-за светового загрязнения.

Их встретил директор обсерватории, профессор Василий Петрович Звягинцев — тот самый свидетель. Ему было под семьдесят, он носил старомодные очки с толстыми стёклами и опирался на трость.

— Соболев? — спросил он, щурясь. — Молодой. Я думал, вы старше.

— Мне двадцать.

— Двадцать — и уже в ГСК? В моё время в двадцать только в карты играли.

— В ваше время не было «Тихого интерфейса».

Звягинцев хмыкнул, но спорить не стал.

— Проходите. Кабинет Вознесенского опечатан. Ключи у меня.

Кабинет оказался маленькой комнатой на втором этаже, с окнами на юг. Стол завален бумагами — настоящими бумагами, не планшетами. Вознесенский не доверял цифре. Говорил — «это можно взломать, а бумагу — только сжечь».

Алина прошлась по комнате, включая портативный сканер.

— Чисто, — сказала она через минуту. — Нет жучков, нет камер. Профессор консервативен.

— Или знал, что за ним следят, и прятал следы, — возразил Лека.

Арсений подошёл к столу.

На столе — стопка журналов, кружка с остатками кофе, пепельница с окурками (квантовые папиросы, синий фильтр), и... пустое место там, где лежал амулет.

— Что пропало? — спросил Арсений.

— Амулет, который вы нашли, — ответил Звягинцев. — Раньше он лежал здесь.

— Вы видели его раньше?

— Нет. Вознесенский никому не показывал свои амулеты. Но я знал, что они у него есть.

— Сколько?

— Два. Этот и ещё один, который он носил на шее. Всегда. Даже в душе.

— Где второй?

— Исчез вместе с хозяином.

Арсений открыл ящик стола. Внутри — старые письма, конверты без марок (отправляли через обычную почту, не через сеть). В одном конверте — фотография. Чёрно-белая, выцветшая. Двое мужчин на фоне телескопа.

— Вознесенский и Штерн? — спросила Алина, заглядывая через плечо.

— Да, — подтвердил Звягинцев. — Сделано в 2175-м году. Тогда они ещё дружили.

Арсений перевернул фотографию. На обороте — подпись шариковой ручкой: «Эдуарду от Даниила. Прощай». И дата: 2178 год, сентябрь.

— Они поссорились в 2179-м, — сказал Арсений. — Но это письмо датировано 2178-м.

— Могли начать ссориться раньше, — предположила Алина. — А в 79-м просто поставили точку.

— Или точку поставил не Вознесенский, а Штерн.

Звягинцев покачал головой.

— Вы слишком усложняете. Вознесенский был хорошим человеком. Он никому не желал зла.

— Хорошие люди тоже умирают, — сказал Арсений. — И пропадают. Даже чаще, чем плохие.

Он убрал фотографию в карман — улика.

После осмотра кабинета Арсений допросил Звягинцева.

— Расскажите о последнем дне Вознесенского.

— Он был в лаборатории с утра, — начал Звягинцев. — Работал с формулами. После обеда пошёл покурить. Обычное дело.

— В курилке он был один?

— Не знаю. Я не хожу в курилку — бросил двадцать лет назад.

— Кто ещё курит в обсерватории?

— Двое лаборантов, уборщица и иногда аспиранты.

— Аспиранты? Их много?

— Сейчас трое. Но никто из них не курит. Одина девушка, веган, против курения. Второй — спортсмен. Третий — вообще не курит.

— Значит, курят только лаборанты и уборщица.

— Да.

— Кто из них был на месте в день исчезновения?

— Оба лаборанта были в отпуске. Осталась только уборщица.

— Клавдия Фёдорова?

— Да.

— Почему вы не упомянули её в рапорте?

— А зачем? Уборщица — не специалист. Она могла что-то перепутать.

— Или могла видеть то, чего не видели другие.

Звягинцев пожал плечами.

— Спросите её сами. Она живёт при обсерватории, в подсобном помещении.

Клавдия Фёдорова, семьдесят два года, работала в обсерватории с 2135-го — пятьдесят три года. Она помнила ещё советские времена, когда телескопы наводили вручную, а звёзды были видны невооружённым глазом. Она видела, как умирали директора, уходили учёные, рушились теории — и всё это на фоне неизменных куполов, которые казались вечными.

Арсений нашёл её в подсобке — маленькой комнатке с койкой, плитой и старой «Электроникой» (телевизор 2140-х годов, который работал только на двух каналах).

— Здравствуйте, — сказал Арсений, присаживаясь на табурет.

— Здравствуйте, — Клавдия Фёдорова не удивилась — за пятьдесят лет она привыкла ко всему.

— Мы расследуем исчезновение профессора Вознесенского. Вы знаете его?

— Конечно. Я здесь всех знаю.

— В тот день вы видели что-то необычное?

Клавдия Фёдорова задумалась.

— Необычное? Весь день обычный был. Снег, дурак. Учёные в своих кабинетах. А вечером — курилка.

— Что в курилке?

— Профессор курил. А с ним — молодой человек. Рыжий, злой. Они ругались.

— О чём?

— Не слышала. Я проходила мимо, за углом, швабру мыла. Но профессор кричал. Молодой — плакал.

— Это был Кольцов?

— Не знаю. Я его раньше не видела.

— Что было потом?

— Профессор вышел. Пошёл к себе. А молодой остался.

— Он тоже вышел?

— Не знаю. Я ушла.

Арсений записал показания.

— Спасибо, Клавдия Фёдоровна. Вы очень помогли.

— Помогла? — она усмехнулась беззубым ртом. — В чём? В том, что профессор пропал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.